

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ.

А. П. Чеховъ. „Аріадна“ (Разсказъ). *Русская Мысль* 1895. XII.

Разсказъ ведется отъ лица самого автора. Г. Чехову пришлось однажды, по его словамъ, во время переѣзда изъ Одессы въ Севастополь, познакомиться на пароходѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Шахолинымъ. Они разговорились, какъ часто бываетъ въ дорогѣ, и тотъ передалъ ему исторію своей молодости, или, по крайней мѣрѣ, событія, игравшаго наиболѣе важную роль въ его молодости, — повѣсть о сближеніи своемъ съ женщиной, ѣхавшей тутъ же вмѣстѣ съ ними — тою самой Аріадной, имя которой поставлено въ заголовкѣ разсказа. Разговоръ ихъ начался съ общихъ разсужденій „о женщинахъ“. Одно изъ первыхъ мнѣній, высказанныхъ Шамохинымъ по этому поводу, состоитъ въ слѣдующемъ:

„Мы слишкомъ идеально смотримъ на женщинъ и предъявляемъ требованія, несоизмѣримыя съ тѣмъ, что можетъ дать дѣйствительность, мы получаемъ далеко не то, что хотимъ, и въ результатѣ — неудовлетворенности, разбитыя надежды, душевная боль, а что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“.

Судя по такому началу, слѣдуетъ ожидать, что дальше пойдетъ повѣсть объ обманутыхъ ожиданіяхъ, разочарованіи въ идеальномъ существѣ и т. п. Но на дѣлѣ оказывается, что ни обмана, ни разочарованія тутъ нѣтъ, да и не было, — главнымъ образомъ потому, что не могло даже быть ни ожиданія чего-либо хорошаго, ни идеальнаго существа. Дѣло вотъ въ чемъ. По окончаніи курса въ университетѣ. Шамохинъ поселился на нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ съ старикомъ - отцомъ и тамъ влюбился въ Аріадну, сестру своего сосѣда по имѣнію, разорившагося помещика Котловича. Вотъ характеристика героини, со словъ ея поклонника:

„Когда я познакомился съ ними, то этой дѣвушкѣ было уже двадцать два года, и она давно успѣла и институтъ кончить, и пожить года два-три въ Москвѣ, гдѣ богатая тетка вывозила ее въ свѣтъ, и успѣла даже надѣлать долговъ и поссориться съ этою теткой. Когда я познакомился, и мнѣ впервые пришлось говорить съ ней, то меня прежде всего поразило ея рѣдкое красивое имя, Аріадна. Оно такъ шло къ ней! Это была брюнетка, очень худая, очень тонкая, гибкая, стройная, чрезвычайно граціозная, съ изящными, въ высшей степени благородными, чертами лица... Она покорила меня въ первый же день знакомства, и не могло быть иначе. По прекрасному лицу и прекраснымъ формамъ я судилъ о душевной организаціи, и каждое слово Аріадны, каждая улыбка восхищали меня, заставляли предполагать въ ней возвышенную душу“.

Нельзя сказать, чтобъ героиня особенно глубоко таила въ себѣ отрицательныя свойства своей природы, которыя могли бы разочаровать влюбленнаго въ нее юношу. На слѣдующей же страницѣ мы узнаемъ, что она „не понимала, что значить *нельзя*, а если бывало захочетъ чего-нибудь, то не слушаетъ никакихъ разсужденій... Препятствій для нея не существовало. Положимъ понадобилась ей новая лошадь, а денегъ нѣтъ,—ну, что же за бѣда? Можно продать что-нибудь, или заложить, а если прикащикъ божится, что ничего нельзя ни продать, ни заложить, то можно содрать съ флигелей желѣзныя крыши и спустить ихъ на фабрику, или въ самую горячую пору погнать рабочихъ лошадей на базаръ и продать тамъ за безцѣнокъ. Эти необузданныя желанія порой приводили въ отчаяніе всю усадьбу, но выражала она ихъ съ такимъ изяществомъ, что ей въ концѣ концовъ все прощалось“...

Право, трудно повѣрить, чтобъ въ наше время двадцати-двухлѣтняя дѣвушка, въ здоровомъ умѣ, могла выражать подобныя желанія, а если и выражала, то чтобъ нашелся человѣкъ,—какъ бы ослѣпленъ онъ ни былъ,—который бы въ такихъ проектахъ находилъ оттѣнокъ чего-либо другаго, кромѣ глупости. Къ тому же и изящество ея невольно представляется читателю сомнительнымъ. Вотъ, напр., фраза, какую мы слышимъ изъ устъ ея, въ передачѣ ея поклонника, изъ разговора въ первое же время ихъ знакомства: „Какой вы рохля!“ Дальше она вслухъ сравниваетъ его съ старою бабой, стучитъ кулакомъ по столу и т. п. Все это не только не изящно, но даже неблаговоспитанно. При всемъ томъ, любящій человѣкъ обладаетъ способностью идеали-

зирать любимое существо, надѣяться на его исправленіе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда пользуется взаимностью или надѣется на нее. Но тутъ и этого нѣтъ, онъ отлично это знаетъ и видитъ съ самаго начала, и самъ признается въ этомъ.

„Но любить по настоящему, какъ я, она не могла, такъ какъ была холодна и уже достаточно испорчена. Она, опредѣленно не знавшая, для чего собственно она создана и для чего ей дана жизнь, воображала себя въ будущемъ не иначе, какъ очень богатою и знатною, ей грезились балы, скачки, ливреи, роскошная гостиная, свой *salon* и цѣлый рой графовъ, князей, посланниковъ, знаменитыхъ художниковъ и артистовъ, и все это поклоняется ей и восхищается ея красотой и туалетами... Эта жажда власти и личныхъ успѣховъ и эти постоянныя мысли все въ одномъ направленіи расхолаживаютъ людей, и Аріадна была холодна и ко мнѣ, и къ природѣ, и къ музыкѣ“.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, приходится предположить, что въ жизни Аріадна была гораздо привлекательнѣе, чѣмъ ее намъ изобразилъ г. Чеховъ, иначе невозможно вообразить себѣ, какъ могъ ея поклонникъ съ самаго начала не разочароваться въ этой ограниченной, пустой и безсердечной дѣвушкѣ, съ грубыми и рѣзкими манерами. Въ иныхъ случаяхъ это постоянство увлеченія объясняется обаяніемъ красоты, по тутъ приходится отстранить эту причину, въ виду неоднократнаго заявленія Шамохина, что его привлекало къ его кумиру то, что онъ считалъ ея духовными совершенствами. Какъ бы то ни было, онъ въ концѣ приведенной нами характеристики заявляетъ, что, „по всей вѣроятности, прошелъ бы еще годъ или два, и я женился бы на ней. Судьба устроила иначе. Къ Котловпчамъ въ деревню пріѣхалъ какой-то Лубковъ, неудавшійся аферистъ, спасавшійся отъ семейной жизни и упрековъ разоренныхъ имъ жены и дѣтей, и въ скоромъ времени увезъ съ собой за-границу Аріадну. Шамохинъ сначала ѣздилъ навѣщать ее туда, а потомъ, послѣ исчезновенія Лубкова, заступилъ его мѣсто. Оказывается, авторъ разсказа встрѣтился съ нимъ тогда когда онъ, истративъ заграничей чуть не все отцовское состояніе, ѣхалъ съ своею спутницей, успѣвшею уже сильно ему надоѣсть, проживать послѣдніе гроши въ Ялту. Въ заключеніе, г. Чеховъ прибавляетъ къ разсказу нѣсколько строкъ отъ себя, гдѣ говоритъ, что нѣсколько разъ встрѣчалъ Аріадну въ Крыму, гдѣ та, очевидно, продолжала вести прежній образъ жизни и сорить деньгами, а подъ конецъ пребыванія въ Ялтѣ случайно

увидаль Шамохина, который съ восторгомъ объявилъ ему, что имѣеть надежду на избавленіе отъ своего ига, такъ какъ пріѣхалъ князь Макищевъ, прежній поклонникъ Аріадны, и, повидимому, имѣеть намѣреніе на ней жениться. Окончаніе всей этой исторіи, впрочемъ, такъ и остается неизвѣстнымъ.

Повѣствованіе Шамохина все сплошь пересыпано жалобами и сѣтованіями на судьбу, на жизнь, на Аріадну въ частности и на женщинъ вообще. Въ особенности на женщинъ—имъ всего болѣе достается. И лукавы онѣ, и умственно убоги, и безнравственны, и жестоки. Судя по смѣлости его нападокъ, можно было бы подумать, что самъ онѣ—образецъ всевозможныхъ совершенствъ, и безвинно терпитъ злую долю по волѣ судьбы. Изъ его же собственнаго разсказа получается впечатлѣніе совершенно обратное,—потому что, въ самомъ дѣлѣ, какого же имени—какъ не безхарактернаго, безсердечнаго и ограниченнаго эгоиста—заслуживаетъ человѣкъ, который не умѣетъ отличить добра отъ зла до такой степени, что даже не можетъ отдѣлить хорошихъ качествъ отъ дурныхъ въ близкомъ человѣкѣ, дѣлается безотвѣтнымъ рабомъ никуда негодной женщины, и при этомъ съ присущею рабству низостью бранить ее исподтишка первому встрѣчному, безъ всякой совѣсти разоряетъ старика отца, и при всемъ этомъ ни разу не думаетъ винить себя, а плачется на судьбу, недостойно, по его мнѣнію, поступившую съ нимъ? Но не въ этомъ дѣло. Для художественности разсказа мало значенія имѣеть вопросъ, къ положительнымъ или отрицательнымъ типамъ принадлежать его герои. Что же дѣлать, если, какъ часто увѣряютъ теперь, хорошіе, честные люди перевелись въ нашъ вѣкъ, и поневолѣ приходится въ литературѣ выводить однѣ темныя стороны жизни? И съ этимъ можно примириться, и достоинство литературнаго произведенія можетъ отъ этого даже только выиграть по силѣ трагизма, если только эти темныя стороны явятся въ немъ дѣйствительно темными, какія онѣ есть въ жизни. Для этого нужно, чтобы онѣ и самому автору казались таковыми, чтобъ у него самого былъ правильный взглядъ на предметъ. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ у г. Чехова. Онѣ старается сохранить объективность въ разсказѣ, но, при всемъ томъ, подъ самый конецъ, у него проскальзываетъ одно бѣглосе замѣчаніе, ясно показывающее, что его точка зрѣнія на изображаемыя имъ лица не такова, чтобъ ее можно было назвать правильной. И въ самомъ дѣлѣ, какого можно было бы ожидать замѣчанія со стороны человѣка, только что выслушавшаго повѣсть Шамохина?

Чего же другого, какъ не совѣта или пожеланія, въ той или другой формѣ, сбившемуся съ пути человѣку справиться прежде всего съ самимъ собой и попытаться выйти вновь на вѣрную дорогу, хотя бы, настолько, насколько она доступна ему, по его пониманію и нравственнымъ силамъ? Очень можетъ быть, что эти слова не привели бы ни къ чему, но они были бы естественнымъ движеніемъ человѣка, протягивающаго руку, чтобъ спасти утопающаго, не разсчитывая даже, успѣетъ ли онъ за нее схватиться или нѣтъ. Что же дѣлаетъ г. Чеховъ? Онъ, въ отвѣтъ на сѣтованія своего собесѣдника, не находитъ сказать ему ничего иного, какъ общее замѣчаніе о томъ, что женщины не такъ достойны порицанія, какъ ему кажется, и стремленіе къ образованію и равноправности съ мужчинами есть стремленіе къ справедливости... Правда, онъ тутъ же замѣчаетъ, что ему было скучно спорить и хотѣлось спать, но это, разумѣется, мало оправдываетъ его въ глазахъ читателя.

8/12

К. М. Станюковичъ. „Побѣгъ“ (Разсказъ), (Изъ далекаго прошлаго).
Русская Мысль. 1896. т. I.

Не только въ нашей, но и въ иностранной литературѣ разсказы г. Станюковича выгодно выдѣляются по живому, поэтическому описанію быта моряковъ, картинъ моря и окружающей его природы. Въ отношеніи яркости и разнообразія красокъ съ ними могутъ соперничать произведенія Пьера Лоти, но за то Станюковичъ имѣетъ безусловное преимущество надъ знаменитымъ французскимъ писателемъ въ простотѣ изложенія и искренности чувства. Новый разсказъ его относится къ тому времени, когда еще существовалъ старый черноморскій флотъ, и съ именемъ Севастополя не было еще связано грустныхъ для русскаго сердца воспоминаній. Здѣсь повѣствуется о томъ, какъ маленький сынъ севастопольскаго военнаго губернатора свелъ знакомство и дружбу съ арестантами, изъ бывшихъ матросовъ, работавшими въ саду его отца, и помогъ одному изъ нихъ убѣжать, доставъ ему для пересодѣванья платье своей няни. Эпизодъ этотъ вполне правдоподобенъ и описанъ живо и картинно. Одно, что производитъ непріятное впечатлѣніе диссонанса,—это слишкомъ спокойное отношеніе къ своему все-же проступку, которое проглядываетъ у мальчика. У дѣтей душа въ этомъ случаѣ гораздо болѣе чутка, нежели у взрослыхъ; имъ чужды тѣ софизмы, которыми могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, утѣшать себя взрослые, и чувство